

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10

Buenos Aires (30) Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233
Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVI

Buenos Aires, martes 19 de febrero de 1974

Буэнос Айрес, вторник 19 февраля 1974

N° 1252

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

*Записная
Книжка*

ФЕВРАЛЬ 1974 г.

А. Д. САХАРОВ

Писатели и публицисты должны исходить в своих выводах из точной информации. Это, однако, не всегда удается, так как источники осведомления нередко его искажают.

В «Записной книжке» о «втором манифесте гуманизма» («Наша Страна», № 1235, 23-го октября пр. г.) я привел выдержки из этого документа, показывающие его воинствующую антирелигиозность, и отметил, что его подписали два советских «инакомыслящих» — А. Д. Сахаров и А. С. Есенин-Вольпин. Сошлись на «Нью Йорк Таймс», я сообщил, что Сахаров сделал это с оговоркой, что манифест «недостаточно отражает самое злободневное противоречие нашего времени между гуманизмом и ложными теориями с их пагубной практикой, основанной на концепциях классовой борьбы, диктатуры, идеологического монизма, нетерпимости и пренебрежения правами личности». О второй оговорке Сахарова, вызванной антирелигиозным содержанием «манифеста», газета не сказала ни слова и так же поступила тогда остальная американская печать.

Теперь передо мной текст того письма, которым Сахаров позволил авторам «манифеста» поставить под ним его подпись. «Я повторяю — сказано в письме — что подписываюсь под манифестом с двумя оговорками:

1. Я не считаю правильным с философской и этической точки зрения противоположение религии и гуманизма, религии и научного знания. Тем более я не считаю такое противопоставление актуальным.

2. Я считаю, что в манифесте не получило должного отражения самое актуальное для нашего времени противопоставление гуманизма и ложных теорий и пагубной практики, основанных на концепции классовой борьбы, диктатуры, идеологического монизма, нетерпимости и презрения к правам индивидуума».

Из сопоставления этого текста с тем, что было сообщено «Нью Йорк Таймсом», следует, что газета верно повторила вторую оговорку Сахарова, но она — как и остальная американская печать — скрыла от читателей первую, отчасти отмежевавшую московского академика от антирелигиозной воинственности «гуманизма».

Ради полного осведомления тех, чье внимание «Наша Страна» обратила на подписанную Сахаровым и Есениным-Вольпиным программ агностиков и атеистов, это нужно отметить, но подпись остается подписью, а оговорки — тактическим ходом, не воздвигнувшим преграды между Сахаровым и приверженцами безбожного «гуманизма».

Ю. В. БОНДАРЕВ

Подробно осветив отклик западного мира на изданную в Париже книгу А. И. Солженицына «Архипелаг Гулаг», редакция «Нью Йорк Таймс» обратилась к московскому агентству «Новости» с просьбой снабдить ее советским отзывом об этой книге. Просьба была исполнена — «Новости» прислали длинную статью Юрия Бондарева, награжденного в 1972 году «ленинской» литератур-

ной премией писателя, покорно исполненного предписанный ему заказ.

Трудно вообразить более бездарную, необразительную критику произведения, о котором Бондарев знает, вероятно, только то, что ему показали бедающие советской пропагандой учреждения. По существу, о содержании «Архипелага» в статье Бондарева нет ни слова. Все внимание сосредоточено на обороне Сталинграда и на «измене» генерала Власова. Город, названный в честь Сталина, упомянут шесть раз, Власов — даже девять раз.

Для отклонения внимания читателей американской газеты от описанных Солженицыным коммунистических преступлений, Бондарев вспомнил «шесть миллионов евреев, сожженных нацистами в крематориях их концентрационных лагерей», но о десятках миллионов русских и других жертв коммунистического террора в России не сказал ни слова.

Сталинград понадобился ему, как символ борьбы поработившей Россию коммунистической диктатуры с Гитлером, но, по недосмотру или ошибке «Новостей», он включил в эту часть статьи утверждение, что — вопреки Солженицыну — так называемые штрафные части красной армии в обороне Сталинграда не участвовали. Не отрицая их существования, Бондарев написал, что приказ о создании этих частей был получен на фронте в августе 1942 года, когда германские войска уже дошли до Сталинграда. Затем он прибавил, что штрафные части, при любых условиях, не смогли бы отразить германское наступление на город потому, что были «плохо вооружены и вообще неспособны выдержать мало-мальски значительное продвижение противника». Он признал таким образом, что штрафные батальоны состояли из обреченных Сталиным на гибель смертников, расплачивавшихся за чужие поражения и, в частности, за потерю Ростова и Новочеркасска.

В следующей части статьи Бондарев назвал А. А. Власова «генералом, поднятым на гребень волны войны и заслужившим славу Герострата». Попутно, он обвинил Солженицына в том, что для него этот генерал — противник Сталина и защитник русского народа.

Изобразив Власова «изменником», Бондарев прибавил: «Обладатель отталкивающей внешности, он был человеком честолюбивым, обидчивым, уклонялся от общения с солдатами, старался держаться вдали от подвергавшихся бомбардировке наблюдательных пунктов,

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

Василий Блаженный под угрозой

Собор Василия Блаженного был перед войной намерен к разрушению. Это потрясающее известие сообщил московский корреспондент газеты «Таймс», Эдмунд Стивенс, 29-го января с. г.

Московский ведущий археолог рассказал корреспонденту, как перед самой войной его вызвали к «высокому лицу» и тот сказал, что Красную Площадь хотят расширить, что для этого намечается снести собор Василия Блаженного и ему, Барановскому, предлагается сделать необходимые изыскания. По словам Барановского «комком подступил у меня к горлу и я онемел. Потом сказал — это преступление и глупость.

Целайте со мной что хотите, но если вы начнете сносить эту церковь я кончу с собой». Барановский был посажен в тюрьму. К счастью, решение разрушить собор не было выполнено; война ли помешала, или были какие другие причины, пока не известно, но, может быть, этот план и до сих пор еще в силе.

предпочитал им глубокие траншеи командных постов, подземный свет электрических лампочек и удобство временного расквартирования, дававшего ему возможность устроиться удобно, даже слегка аристократически».

К этой карикатуре на Власова ставший рупором брежневцев в Америке писатель прибавил, что Власов был «генералом средних способностей», но «счастливая звезда осветила его путь в начале войны, в сражениях под Перемышлем и Москвой».

Потерпев неудачу на Волховском фронте, Власов — в изображении Бондарева — дезертировал, бросив свои войска на произвол судьбы, и добровольно сдался немцам.

Никто во внешнем мире этому жалкому искажению правды не поверит, но на полное освещение и осуждение страшных преступлений, совершенных в России во имя марксизма в его ленинском варианте наследники Ульянова и Джугашвили, очевидно, пойти не могут.

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

СОЛЖЕНИЦЫН В СВОБОДНОМ МИРЕ

После выхода в свет в Париже «Архипелага ГУЛаг» 12-го февраля 1974 года Александр Исаевич Солженицын был арестован у себя на дому в Москве и просидел ночь в тюрьме Лефортово, на следующий день, 13-го февраля, по распоряжению советских властей был изгнан из Советского Союза. Это высшее наказание для писателя земли русской было вменено ему за «измену родине». Как известно, Солженицын неоднократно заявлял, что добровольно не покинет родину. Именно поэтому в 1970 году он не поехал в Стокгольм получать Нобелевскую премию, боясь, что советские власти воспрепятствуют его возвращению.

15-го февраля А. Солженицын покинул Германию, где гостил у Нобелевского лауреата 1973 года немецкого писателя Генриха Белль и в качестве туриста прибыл в Швейцарию, в Цюрих, где временно будет жить. Семья Солженицына, по сообщениям иностранных агентств в Москве, сможет соединиться с ним тогда, когда это будет возможно.

16-го февраля швейцарский министр Юстиции и Полиции Курт Фурглер заявил, что швейцарское правительство предлагает Солженицыну политическое убежище, считая, что писатель преследуем советскими властями. Швейцарское правительство, добавил Курт Фурглер, не беспокоит реакция советского правительства на это предложение. Курт Фурглер заявил также, что приняв это предложение швейцарского правительства Солженицын сможет продолжать свою борьбу из Швейцарии.

До сих пор Солженицын отказывается от каких бы то ни было комментариев по поводу его высылки из СССР и его планов на будущее.

Корреспондент указывает, что только в Москве, со времени революции, более четырехсот исторических названий мест, улиц, площадей было переименовано в память Карла Маркса, Ленина и им подобных. Примерно столько же исторических памятников было безжалостно уничтожено. Примером такого варварского разрушения он приводит разрушение прекрасного, бывшего третьим по величине из всех христианских храмов, храм Христа Спасителя. Этот храм — белого мрамора — расписанный внутри Васнецовым, был построен в память изгнания Наполеона из России в 1812 году. На месте, где стоял этот замечательный храм, соорудили плавательный бассейн. Другой пример — разрушение Сухаревской башни, построенной в конце XVII века в честь полковника Сухарева, оставшегося верным присяге царю Петру Первому в его борьбе с царевной Софией.

Эти злостные разрушения прекрасных исторических памятников и переименование исторических мест, было проведено по сталинскому плану реконструкции Москвы, главным образом, Лазарем Кагановичем, не понимавшим и не любившим русскую культуру. В статье говорится, что, повидимому, эти разрушения еще не остановлены, так как теперешний главный архитектор Москвы, Михаил Посохин, был назначен на свой высокий пост за то, что согласился построить Дворец Конгрессов внутри Кремля, снеся для очистки места несколько прекрасных зданий XVI века, после того, как несколько выдающихся архитекторов сделать это отказались.

Если разрушения исторических памятников и перемены названий не будут остановлены, пишет корреспондент, то будущие поколения читателей не узнают тех мест, о которых писали русские классики. Так почти уже и получилось: нет Сухаревки, вместо нее Колхозная Площадь, нет Манежной Площади и Охотного ряда, вместо них Проспект Карла Маркса, и т. п. Для нас, однако, это не самое главное — главное в том, что коммунисты стараются уничтожить нашу историю. Что получается? Вспоминаются слова одного из героев Солженицына: «... история — река... Связь поколений, учреждений, традиций, обычаев — это есть связь струи. Но реку, но струю прерывать нельзя, ее только на вершок разорви — уже нет струи». И, вот, перервали, и вместо струи — болото.

Тот же корреспондент указывает, что в Ленинграде дело разрушения исторических памятников не заходит так далеко, как в Москве. Ленинградцы просто игнорируют новые названия и добились того, что некоторым местам вернули их старые названия, например, проспекту 25-го Октября вернули его старое название Невский. Исторические памятники, даже разрушенные немцами, реставрируются и восстанавливаются. Надежды на то, что Ленинград станет по-прежнему Петроградом, — мало, но местные жители, особенно молодежь, называют свой город по-старому, Питером, а не Ленинградом.

Конечно, ленинградцам легче защищать свои исторические ценности. Ведь там не обитает «солнце человечества» — главноверхи партии и правительства, греться в лучах которого стекаются навозочь земли русской, а им нет дела ни до прошлого, ни до будущего России.

ВАЛЕНТИНА БОГДАН

Нужна ли монархия англичанам?

Такой вопрос время от времени задают себе жители Британских островов. Споры на эту тему можно слышать в Гайд-парке, по радио, прочитать в газетах, увидеть по телевидению, и наконец, в каждой английской семье обсуждается проблема: «Быть или не быть королевской семье». Вообще в Англии народ привык ко всякому роду общественных обсуждений и опросов. Никого не удивляет, если на улице вдруг спрашивают о популярности той или иной политической партии, или сколько пинт пива вы выпиваете в день, и какое ваше любимое пиво, или что вы думаете о вступлении Англии в Европу? (Естественно, если вы не желаете отвечать, вас никто не будет принуждать. Социология — вещь деликатная, и строится на добровольных началах).

Недавно газета «Санди мирор» провела опрос части английского населения. Главный вопрос гласил: «Желали бы вы, чтобы монархия перестала существовать в Великобритании?»

Результаты опроса оказались во многом удивительными и неожиданными. В целом отношение к английской монархии оказалось положительным. Но посмотрим, как распределить «за» и «против». В опросе участвовало 15 тысяч человек. Люди из разных мест Великобритании, разных профессий, возрастов и религий, люди разных слоев населения. Это позволяет считать мнение опрошенных чем-то вроде среднего мнения населения страны.

На вопрос: «Хотите ли вы, чтобы монархия существовала?» 59% ответили, что они за продолжение существования королевства в Англии. 39% сказали, что им монархия не нужна.

«Кто из всех членов королевской семьи наиболее популярен?» Все опрошенные поставили на первое место королеву. Она производит на всех сильное впечатление, и любима большинством. Но неожиданно на втором месте оказа-

лась двоюродная сестра Елизаветы II — принцесса Александра, 49% опрошенных восхищены ее скромностью, тонким вкусом и изящными манерами. После принцессы Александры места распределились так: муж королевы, принц Филипп, вышел на третье место — 39%. Старший сын королевы, будущий король Англии — принц Чарльз, — четвертое место — 37%. Королева-Мать на пятом месте — 36%, и на шестом месте по популярности оказались принцесса Анна — дочь королевы, и родная сестра королевы, принцесса Маргарет — они набрали 6% сторонников.

Только 36% опрошенных заявили, что они согласны покрыть расстояние даже в пять миль, лишь бы встретиться с королевой — хоть на расстоянии.

Где должны учиться королевские дети? Не должны ли они влиться в общую школьную среду? (В Англии существуют платные закрытые школы под названием «публик скул» и бесплатные, общедоступные — «грамма скул». Дети королевской семьи традиционно учились и учатся в закрытых платных школах), 71% считает, что королевские дети должны ходить в обычные школы и не отделяться от обычных детей. Но три тысячи из 15 считают, что королевские дети, наоборот, должны больше обосо-

биться и отмежеваться от общества, и что королевская семья по этой причине должна специально воспитывать своих детей. В настоящее время два младших сына королевы учатся в закрытых школах. К неудовольствию последней группы опрошенных королевская семья и ее дети не страдают снобизмом.

Вопрос: «Думаете ли вы, что королевская семья знает, как живут семьи рабочего класса?» По мнению 55% она, т. е. королевская семья, ничего не знает о жизни рабочих семей: 26% считает, что вряд ли ей что-либо известно, и только 18% убеждены, что королевская семья хорошо осведомлена об условиях жизни рабочих семей.

14 ноября состоялась свадьба дочери королевы, принцессы Анны, с капитаном Марком Филиппом. Этому событию английская пресса уделяет много внимания. Это интересует и публику. После свадьбы молодая чета отправится в свадебное путешествие на королевской яхте «Британия». Как показал опрос, 87% считает, что это путешествие не должно оплачиваться налогоплательщиками. Расходы должна взять на себя королевская семья.

Нужно ли титуловать капитана Филиппа, мужа принцессы Анны? Большинство — 58% — высказывались против титула. Незначительному меньшинству — 22% — все равно будет ли дан титул, или нет.

Должна ли королева иметь власть над правительством?

Один человек из десяти опрошенных находит, что королева влияет своим авторитетом и личностью на правительство Англии. (Речь идет не о законодательной власти и влиянии). Некоторые считают, что королева должна иметь законодательную власть над парламентом.

Традиционный вопрос: английская семья и королева. Четыре человека из десяти почитают королевскую семью так же, как и свою. Один из десяти почитает королевскую семью больше своих собственных родителей. Есть еще в Англии и такие.

В Великобритании в конце киносеанса или театрального представления традиционно исполняется часть государственного гимна. При словах: «Боже, храни королеву!» — все встают. Был поставлен вопрос: «Нужно ли исполнять гимн, и нужно ли вставать с места?»

Большинство, их 57%, считает, что эту традицию следует продолжать, и при исполнении гимна нужно вставать. 44% встают без особого чувства к королеве. 11% встают только потому, что другие это делают, и 2% чистосердечно признались: вставать хорошо чтобы размять ноги.

Большая половина опрошенных желает, чтобы красочные, помпезные королевские церемонии и парады продолжались. На них приятно смотреть. Они радуют глаз. 24% безразличны к этим зрелищам.

В конце опросника газета «Санди мирор» спросила участников общественного опроса: «Полночонна ли газета обсуждать такую проблему?»

89% ответили — «Да».

Вывод напрашивается следующий: англичанам нужна традиционная монархия, англичанам нужна королевская семья, они этим гордятся и хотя бы продолжения старых добрых традиций Англии.

ИГОРЬ ЕЛЬЦОВ

«Русская Мысль» № 2974

В воскресенье 17-го марта с. г. в 12 часов по окончании Божественной литургии в храме Св. Преп. Сергия Радонежского (Falucho 854, Villa Ballester) будет отслужен

ОБЩИЙ МОЛЕБЕН

перед началом учебного года. По окончании молебна Директор школы просит родителей учащихся обязательно собраться в школьном помещении для обмена мнениями в связи с началом занятий.

Занятия в Св.-Сергиевской Церковно-приходской школе начнутся в субботу 23 марта с. г. в 14 часов.

Зарубежная Жизнь

О ПРОГРАММАХ ДЛЯ ПРИХОДСКИХ ШКОЛ

ЕПИС (Епархиальный Школьный Совет) поставил себе одной из задач создание «стандартной школьной программы» для наших субботних церковно-приходских школ.

Стандартным типом ЕПИС принял школу с занятиями раз в неделю, с четырьмя уроками и с программами, рассчитанными на 10 лет обучения. Предыдущая практика 6-летнего обучения не раз осуждалась на пастырских совещаниях, в том числе и в 1969 г., о чем писалось в «Православной Руси» № 19: «Дети выходят из этих школ в самом опасном возрасте, около 13-14 лет, и растут, главным образом, под воздействием школьной и товарищеской среды, неизбежно денационализируются и отрываются от церкви».

ЕПИС признал и 8-летнее обучение недостаточным. 10-летнее обучение было уже давно введено в Образцовом Св. Иосафовском училище в Бруклине, а в Нью-Йорке — 12-летнее. Два года назад на 10-летнюю систему перешла Флашингская школа, а Лейквудская недавно на 12-летнюю. При 10-летней системе 1-м классом считается тот, в который принимаются дети не моложе 6 лет, а ясли и детский сад не берутся в расчет.

Школа стандартного типа имеет занятия раз в неделю по 4 урока. Там, где условия позволяют иметь больше уроков, рекомендуется преподавание предметов сверх стандартной программы — например пения, церковно-славянского языка, истории русского искусства, экономической географии и т. д.

Четыре урока в неделю распределяются по предметам следующим образом: один урок для Закона Божия, один урок родноведения (история или география) и два урока для русского языка. При этом для грамматики во всех 10 классах предусматривается один урок, а второй урок, с I до VI для классного чтения, пересказов и разучивания стихов, а в VII—X классах для истории литературы.

ЕПИС просил все школы прислать свои программы. Из 19 школ епархии свои программы прислали Лейквудская и Наякская школы, а Флашингская прислала только программу по грамматике для всех 10 классов и по истории литературы для VI—X классов. Кроме того были получены программы Синодальной школы и Св. Троицкой в Торонто (обе 8-летние).

В большинстве всех наших школ преподавание всех предметов ведется сообразно материалу данному в учебниках и педагогическим качествам преподавателей. В некоторых школах нет нумерации классов, а дети делятся на два класса — «младший» и «старший». Далеко не во всех школах преподается география и история. Очень часто в старших классах бессистемным классным чтением заменяется прохождение истории литературы.

К следующему школьному году ЕПИС вышлет всем школам рекомендуемую программу по всем обязательным предметам. Родители, проживающие далеко от приходских школ, смогут за один доллар приобрести полную программу, чтобы самим готовить детей к экзамену в ближайшей приходской школе.

За всеми справками следует обращаться к Епархиальному школьному инспектору по адресу:

Mr. G. Lukianov, Brusik Dr., Hopewell Junction, N. Y. 12533. U. S. A.

Р. ПОЛЧАНИНОВ

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ В НЬЮ ЙОРКЕ

По инициативе архиепископа Никона и трудами инспектора епархиальных школ Русской Зарубежной Церкви Г. В. Лукьянова состоялся Второй съезд — совещание руководителей и преподавателей приходских школ на Восточном побережье.

Совещание происходило под председательством архиепископа Никона и вице-председательством епископа Лавра в Синодальном зале, в Нью Йорке.

После молитвы и вступительного слова архиепископа Никона с содержательным докладом выступил Г. В. Лукьянов обрисовавший деятельность епархиального совета за истекший год. В учебном 1972 — 1973 году в 21 приходской школе Восточно-Американской и Ньюйоркской епархии обучалось 745 детей обоих полов, говорящих и не говорящих по-русски, православных и инославных. В текущем году это количество увеличилось.

За первый год своего существования епархиальный совет собрал необходимые данные о деятельности всех приходских школ, обсудил их программы преподавания и разработал проект общего школьного устава и устава родительских комитетов. Им была также произведена инспекция приходских школ и сделан анализ учебников, которыми эти школы пользуются. Работало лишь четыре члена совета и инспектор Г. В. Лукьянов. В текущем учебном году в епархиальный школьный совет вводятся представители от приходских школ для лучшего взаимодействия и согласованности...

О результатах инспекции приходских школ доклад был сделан Д. Ф. Левинским, отметившим благоприятную учебно-воспитательную атмосферу в школах, но недостаточную помощь родителей.

Разбор отдельных учебных программ и анализ таковых был сделан Р. В. Полчаниновым, отметившим крайнюю необходимость общей программы для всех приходских школ. Им также был затронут вопрос и об учебных пособиях. Проанализировав качество учебников — дореволюционного, зарубежного и советского изданий — Р. В. Полчанинов пришел к заключению, что для приходских школ необходимы учебники, которые больше удовлетворяли бы требованиям этих школ. При унификации преподавания в этих школах издание таких учебников было бы возможно.

Г. В. Лукьянов сообщил съезду, что епархиальным школьным советом разработан общий устав приходских школ, в который введены и новые пункты, отражающие современные нужды. Проект общего устава разослан всем приходским школам для обсуждения с просьбой прислать свои замечания, которые школьным советом будут приняты во внимание при составлении окончательной редакции общего устава.

В заключение Г. В. Лукьянов высказал следующие пожелания епархиального школьного совета:

— В субботних школах курс обучения должен быть десятилетним (не считая подготовительного класса и Летского сада) и проводиться по общей для всех школ программе. Ввести в школах старший класс, в котором преподавание велось бы семинарами, экскурсиями, паломничествами, дискуссиями, а не стандартными уроками. На уроках по истории, географии и литературе объяснять современное состояние России и разъяснять сущность коммунизма. В яслях, для четырехлетних детей, вести каждодневные занятия, давая возможность детям привыкнуть к русской школьной среде.

— Для желающих обучаться Закону Божию, русскому языку, истории, географии и литературе, но не могущих посещать школы из-за дальности расстояния, ввести заочные курсы обучения этим предметам, а в школах принимать экстернов для экзаменов.

— Организовать, а там где существуют улучшить работу кружков: шахматного, художественного, технического, самостоятельности и других и устраивать междушкольные соревнования, а лучшие выступления артистических кружков и у Елки повторять на общешкольном фестивале.

— Изыскать возможности для предоставления большего количества стипендий лучшим учащимся.

— Ввести наградные значки для учащихся в приходских школах и общие значки для всех окончивших школу.

— Выработать общие формы бланков, дневников, свидетельств, дипломов и проч., печатающихся типографским способом, и начать подготовку к сбору данных для печатания собственных учебников, одинаковых для приходских школ.

На совещании присутствовало около пятидесяти человек. Слушались сообщения с мест и обсуждались сообщения докладчиков. Совещание протекало в профессионально деловой атмосфере.

Остается пожелать епархиальному школьному совету успеха в работе и скорейшего проведения мероприятий, необходимых для приходских школ.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ

1.

АРЕСТ

Как попадают на этот таинственный Архипелаг? Туда ежечасно летят самолёты, плывут корабли, гремят поезда, — но ни единая надпись на них не указывает места назначения. И билетные кассиры, и агенты Совтуриста и Интуриста будут изумлены, если вы спросите у них туда билетик. Ни всего Архипелага в целом, ни одного из бесчисленных его островков они не знают, не слышали.

Те, кто едут Архипелагом управлять — попадают туда через училища МВД.

Те, кто едут Архипелаг охранять — призываются через военкоматы.

А те, кто едут туда умирать, как мы с вами, читатель, те должны пройти непременно и единственный арест.

Арест! Сказать ли, что это перелом всей вашей жизни? Что это прямой удар молнии в зас? Что это невмещаемое духовное сотрясение, с которым не каждый может освоиться и часто сползает в безумие?

Вселенная имеет столько центров, сколько в ней живых существ. Каждый из нас — центр вселенной и мироздание раскалывается, когда вам шипят: «В ы а р е с т о в а н ы !»

Если уж вы арестованы — то разве еще что-нибудь устояло в этом землетрясении?

Но затмившимся мозгом не способные охватить этих перемещений мироздания, самые изощренные и самые простоватые из нас не находят и, в этот миг изо всего опыта жизни выдавить что-нибудь иное, кроме как:

— Я?? За что?? —

вопрос, миллионы и миллионы раз повторенный еще до нас и никогда не получивший ответа.

Арест — это мгновенный разительный перебор, перекид, перепласт из одного состояния в другое.

По долгой кривой улице нашей жизни мы счастливы неслись или несчастливы брели мимо каких-то заборов, заборов — гнилых деревянных, глинобитных дувалов, кирпичных, бетонных, чугунных оград. Мы не задумывались — что за ними? Ни глазом, ни разумением мы не пытались за них заглянуть — а там-то и начинается страна ГУЛАГ, совсем рядом, в двух метрах от нас. И еще мы не замечали в этих заборах несметного числа плотно подогнанных, хорошо замаскированных двёрок, калиток. Все, все эти калитки были приготовлены для нас! — и вот распахнулась быстро роковая одна, и четыре белых мужских руки, не привыкших к труду, но схватчивые, уцепляют нас за ногу, за руку, за воротник, за шапку, за ухо — вволакивают как куль, а калитку за нами, калитку в нашу прошлую жизнь, захлопывают навсегда.

Всё. Вы — арестованы!

И нич-ч-его вы не находите на это ответить, кроме ягнячьего бляения:

— Я-а?? За что??..

Вот что такое арест: это ослепляющая вспышка и удар, от которых настоящее разом сдвигается в прошлое, а невозможное становится полноправным настоящим.

И всё. И ничего больше вы не способны усвоить ни в первый час, ни в первые даже сутки.

Еще померцает вам в вашем отчаянии цирковая игрушечная луна: «Это ошибка! Разберутся!»

Всё же остальное, что сложилось теперь в традиционное и даже литературное представление об аресте, накопится и состроится уже не в вашей смятенной памяти, а в памяти вашей семьи и соседей по квартире.

Это — резкий ночной звонок или грубый стук в дверь. Это — бравый вход невытираемых сапог бодрствующих оперативников. Это — за спинами их напуганный прибитый понятой. (А зачем этот понятой? — думать не смеют жертвы, не помнят оперативники, но положено так по инструкции, и надо ему всю ночь просидеть, а к утру расписаться. И для выхваченного из постели понятого это тоже мука: ночь за ночью ходить и помогать арестовывать своих соседей и знакомых).

Традиционный арест — это еще сборы дрожащими руками для уводимого: смены белья, куска мыла, какой-то еды и никто не знает, что надо, что можно и как лучше одеть, а оперативники торопят и обрывают: «Ничего не надо. Там накормят. Там тепло». (Всё лгут. А торопят — для страха.)

Традиционный арест — это еще потом, после ухода взятого бедняги, многочасовое хозяйничанье в квартире жесткой чужой подавляющей силы. Это — взламывание, вскрывание, сброс и срыв со стен, выброс на пол из шкафов и столов, вытряхивание, рассыпание, разрывание — и нахламление горами на полу, и хруст под сапогами. И ничего святого нет во время обыска! При аресте паровозного машиниста Иношина в комнате стоял гробик с его только что умершим ребёнком. Ю р и с т ы выбросили ребёнка из гробика, они искали и там. И вытряхивают больших из постели, и разбинтовыва-

ют повязки.¹⁾ И ничто во время обыска не может быть признано нелепым! У любителя старины Четверухина захватили «столько-то листов царских указов» — именно, указ об окончании войны с Наполеоном, об образовании Священного Союза, и молебствие против холеры 1830-го года. У нашего лучшего знатока Тибета Вострикова изъяли драгоценные тибетские древние рукописи (и ученики умершего еле вырвали их из КГБ через 30 лет!). При аресте востоковеда Невского забрали тангутские рукописи, (а через 25 лет за расшифровку их покойному посмертно присуждена ленинская премия). У Каргера замели архив енисейских остяков, запретили изобретённую им письменность и букварь — и остался народец без письменности. Интеллигентным языком это долго всё описывать, а народ говорит об обыске так: и щ у т , ч е г о н е к л а д и .

Отобранное увозят, а иногда заставляют нести самого арестованного — как Нина Александровна Пальчинская потащила за плечом мешок с бумагами и письмами своего вечно-деятельного покойного мужа, великого инженера России — в пасть к НИМ, навсегда, без возврата.

А для оставшихся после ареста — долгий хвост развороченной опустошенной жизни. И попытка пойти с передачами. Но изо всех окошек лаюшими голосами: «Такой не числится», «такого нет!» Да к окошку этому в худые дни Ленинграда еще надо пять суток толпиться в очереди. И только может быть через полгода-год сам арестованный аукнется или выбросит: «Без права переписки». А это уже значит — навсегда. «Без права переписки» — это почти наверняка: расстрелян.²⁾

Так представляем мы себе арест.

И верно, ночной арест описанного типа у нас излюблен, потому что в нём есть важные преимущества. Все живущие в квартире ущемлены ужасом от первого же стука в дверь. Арестуемый вырван из тепла постели, он еще весь в полусонной беспомощности, рассудок его мутен. При ночном аресте оперативники имеют перевес в силах: их приезжает несколько вооруженных против одного, недостегнувшего брюк; за время сборов и обыска наверняка не соберётся у подъезда толпа возможных сторонников жертвы. Неторопливая постепенность приходит в одну квартиру, потом в другую, завтра в третью и в четвертую, даёт возможность правильно использовать оперативные штаты и посадить в тюрьму многократно больше жителей города, чем эти штаты составляют.

И еще то достоинство у ночных арестов, что ни соседние дома, ни городские улицы не видят, сколько увезли за ночь. Напугав самых ближних соседей, они для дальних не событие. Их как бы и не было. По той самой асфальтной ленте, по которой ночью сновали воронки, — днём шагает молодое племя со знаменами и цветами и поёт неомраченные песни.

Но у б е р у щ и х , чья служба и состоит из одних только арестов, для кого ужасы арестованных повторительны и докучны, у них понимание арестной операции гораздо шире. У них — большая теория, не надо думать в простоте, что её нет. Арестование — это важный раздел курса общего тюремоведения, и под него подведена основательная общественная теория. Аресты имеют классификацию по разным признакам: ночные и дневные; домашние, служебные, путевые; первичные и повторные; расчленённые и групповые. Аресты различаются по степени требуемой неожиданности, по степени ожидаемого сопротивления (но в десятках миллионов случаев сопротивления никакого не ожидалось, как и не было его). Аресты различаются по серьёзности заданного обыска;³⁾ по необходимости делать

1) Когда в 1937 году громили институт доктора Казакова то сосуды с л и з а т а м и , изобретенными им, комиссия разбивала хотя вокруг прыгали исцеленные и исцеляемые калекки и умоляли сохранить чудодейственные лекарства. (По официальной версии лизаты считались ядами — и отчего ж было не сохранить их как вещественные доказательства?).

2) Одним словом, «мы живём в проклятых условиях, когда человек пропадает без вести и самые близкие люди, жена и мать . . . годами не знают, что стало с ним». Правильно? нет? Это написал Ленин в 1910 году в некрологе о Бабушкине. Только выразил прямо: вёз Бабушкин транспорт оружия для восстания, с ним и расстреляли. Он зкал, из что шел. Не скажешь этого о кроликах, нас.

3) И еще отдельно есть целая Наука Обыска (и мне удалось прочесть брошюру для юристов-заочников Алма-Аты). Там очень хвалят тех юристов, которые при обыске не поленились перевернуть две тонны навоза, шесть кубов дров, два воза сена, очистили от снега целый приусадебный участок, выгнали кирпичи из печей, разгребали выгребные ямы, проверяли унитазы, искали в собачьих будках, курятниках, скворечниках, прокалывали матрасы, срывали с тел пластырные наклейки и даже рвали металлические зубы, чтобы, найти в них микродокументы. Студентам очень рекомендуется начав с

или не делать опись для конфискации, печатку комнат или квартиры; по необходимости арестовывать вслед за мужем также и жену, а детей отправлять в детдом, либо весь остаток семьи в ссылку, либо еще и стариков в лагерь.

Нет-нет, аресты очень разнообразны по форме. Ирма Мендель, венгерка, достала как-то в Коминтерне (1926 год) два билета в Большой Театр, в первые ряды. Следователь Клегель ухаживал за ней, и она его пригласила. Очень нежно они провели весь спектакль, а после этого он повёз её . . . прямо на Лубянку. И если в цветущий июньский день 1927 года на Кузнецком мосту полнолицую русокозую красавицу Анну Скрипникову, только что купившую себе синей ткани на платье, какой-то молодой фронт подсаживает на извозчика (а извозчик уже понимает и хмурится: О р г а н ы не заплачут ему) — то знайте, что это не любовное свидание, а тоже арест: они завернут сейчас на Лубянку и въедут в черную пасть ворот. И если (двадцать две весны спустя) кавторанг Борис Бурковский в белом кителе, с запахом дорогого одеколона, покупает торг для девушки — не клянитесь, что этот торг достанется девушке, а не будет иссечен ножами обыскивающих и внесён кавторангом в его первую камеру. Нет, никогда у нас не был в небрежении и арест дневной, и арест в пути, и арест в кипящем многолюдии. Однако, он исполняется чисто и — вот удивительно! — сами жертвы в согласии с оперативниками ведут себя, как можно благороднее, чтобы не дать живущим заметить гибель обречённого.

Не всякого можно арестовать дома с предварительным стуком в дверь, (а если уж стучит, то «управдом», почтальон), не всякого следует арестовывать и на работе. Если арестуемый злоумышленник, его удобно брать в о т р ы в е от привычной обстановки — от своих семейных, от сослуживцев, от единомышленников, от тайников: он не должен успеть ничего уничтожить, спрятать, передать. Крупным чинам, военным или партийным, порой давали сперва новое назначение, подавали им салон-вагон, а в пути арестовывали. Какой женибудь безвестный смертный, замерший от повальных арестов и уже неделю угнетённый исподлобными взглядами начальства, — вдруг вызван в местком, где ему, сияя, преподносят путёвку в сочинский санаторий. Кролик почувствовался — значит, его страхи были напрасны. Он благодарит, он, ликуя, спешит домой собирать чемодан. До поезда два часа, он ругает неповоротливую жену. Вот и вокзал! Еще есть время. В пассажирском зале или у стойки с пивом его окликает симпатичнейший молодой человек: «Вы не узнаёте меня, Пётр Иванович?» Пётр Иванович в затруднении: «Как будто нет, хотя . . .» Молодой человек изливается таким дружелюбным расположением: «Ну, как же, как же, я вам напомню . . .» и почтительно кланяется жене Петра Ивановича: «Вы простите, Ваш супруг через о д н у м и н у т к у . . .» Супруга разрешает, незнакомец уводит Петра Ивановича доверительно под руку — навсегда или на десять лет!

А вокзал снуёт вокруг — и ничего не замечает. Граждане, любящие путешествовать! Не забывайте, что на каждом вокзале есть отделение ГПУ и несколько тюремных камер.

Эта назойливость мнимых знакомых так резка, что человеку без лагерной волчьей подготовки от неё как-то и не отвязаться. Не думайте, что если вы — сотрудник американского посольства по имени, например, Ал-р Д., то вас не могут арестовать среди бела дня на улице Горького близ центрального телеграфа. Ваш незнакомый друг кинется к вам через людскую гущу, распахнув грабастые руки: «Са-ша! — не таится, а просто кричит он. — Керюха! Сколько лет, сколько зим?!.. Ну, отойдём в сторонку, чтоб людям не мешать». А в сторонке-то, у края тротуара, как раз «Победа» подъехала . . . (Через несколько дней ТАСС будет с гневом заявлять во всех газетах, что компетентным кругам ничего не известно об исчезновении Ал-ра Д.). Да что тут мудрого? Наши молодцы такие аресты делали в Брюсселе (так взят Жора Бледнов), не то что в Москве.

Надо воздать О р г а н а м заслуженное: в век, когда речи ораторов, театральные пьесы и дамские фасоны кажутся вышедшими с конвейера, — аресты могут показаться разнообразными. Вас стводят в сторону на заводской проходной, после того, как вы себя удостоверили пропуском — и вы взяты; вас берут из военного госпиталя с температурой 39° (Анс Бернштейн), и врач не возражает против вашего ареста (попробовал бы он возразить!); вас берут прямо с операционного стола, с операции язвы желудка (Н. М. Воробьёв, инспектор крайнаробразы, 1936 г.) — и еле живого, в крови, привозят в камеру (вспоминает Карпунич); вы (Надя Левитская) добиваетесь свидания с осуждённой матерью, вам дают его! — а это оказывается очная ставка и арест! Вас в «Гастрономе» приглашают в

личного обыска, им же и закончить (вдруг человек подхватил что-либо из обысканного); и еще раз потом прийти в то же место, но в новое время суток — и снова сделать обыск.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

А. Д. САХАРОВ

Нам пишут из Нью Йорка:

В гостинице «Рузвельт» состоялся банкет американской социал-демократической партии по случаю ее постановления о награждении академика А. Д. Сахарова «премией свободы имени Нормана Томаса». Отсутствующего Сахарова заменил новейший эмигрант из СССР Юрий Глазов.

Во время банкета было оглашено послание Сахарова, в котором он указал на необходимость расследования Меж-

дународным Красным Крестом положения советских «инакомыслящих», находящихся в тюрьмах и лагерях.

Сахаров отозвался положительно о желательности «разрядки» в отношениях между СССР и Соединенными Штатами, но прибавил, что она должна сопровождаться в Советском Союзе «внутренней, духовной разрядкой».

В. МАКСИМОВ

Нам пишут из Нью Йорка:

Американские газеты сообщили из Москвы, что советские учреждения отказали исключенному из Союза советских писателей В. Максимова и его жене в выездных визах, о которых они ходатайствовали для посещения живущих во Франции родственников.

АНАТОЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ГОРЕЛОВ

INMOBILIARIA ALEMANA BALLESTER

SANTA FE 1791 - Martínez - T. E. 798 - 0307

CORRIENTES 132 - Villa Ballester - T. E. 768 - 1892

MARENGO 112 - Villa Ballester - T. E. 768 - 1699

Av. VELEZ SANSFIELD 5698 - Munro - T. E. 762 - 4485

- Продажа и покупка домов, квартир, имений и помещений для индустрии
- Квартирный вопрос вообще

ВСЕВОЗМОЖНЫЕ СТРАХОВКИ.

Открыто каждый день, включая субботу и воскресенье.
Землякам скидка.

А Н О Н С ! А Н О Н С ! А Н О Н С !

24-го мая 1974 года

О С Е Н Н И Й Б А Л

устраивает Родительский Комитет Св.-Сергиевской
Церковно- приходской школы

отдел заказов и арестовывают там; вас арестовывает странник, остановившийся у вас на ночь Христа ради; вас арестовывает монтер, пришедший снять показания счётчика; вас арестовывает велосипедист, столкнувшийся с вами на улице; железнодорожный кондуктор, шофёр такси, сужающий, сберегательной кассы и киноадминистратор — все они арестовывают вас, и с опозданием вы видите глубоко запрятанное бордовое удостоверение.

Иногда аресты кажутся даже игрой — столько положено на них избыточной выдумки, сытой энергии, а ведь жертва не сопротивлялась бы и без этого. Хотят ли оперативники так оправдать свою службу и свою многочисленность? Ведь кажется достаточно разослать всем назначенным кроликам повестки — и они сами в назначенный час и минуту покорно явятся с узелком к чёрным железным воротам госбезопасности, чтобы занять участок пола в намеченной для них камере. (Да колхозников так и берут, неужели еще ехать к его хате ночью по бездорожью? Его вызывают в сельсовет, там и берут. Черноработного вызывают в контору.)

Конечно, у всякой машины свой заглот, больше которого она не может. В натужные налитые 1945-46 годы, когда шли и шли из Европы эшелоны, и их надо было все сразу поглотить и отправить в ГУЛАГ, — уже не было этой избыточной игры, сама теория сильно полиняла, облетели ритуальные перья, и выглядел арест десятков тысяч как убогая переключка: стояли со списками, из одного эшелона выкликали, в другой сажали, и вот это был весь арест.

Политические аресты нескольких десятилетий отличались у нас именно тем, что схватывались люди ни в чём не виновные, а потому и не подготовленные ни к какому сопротивлению. Создавалось общее чувство обречённости, представление (при паспортной нашей системе довольно, впрочем, верное), что от ГПУ-НКВД убежать невозможно. И даже в разгар арестных эпидемий, когда люди, уходя на работу, всякий день прощались с семьёй, ибо не могли быть уверены, что вернутся вечером, — даже тогда они почти не бежали, (а в редких случаях кончали с собой). Что и требовалось. Смирная овца волку по зубам.

Это происходило еще от непонимания механики арестных эпидемий. Органы чаще всего не имели глубоких оснований для выбора — какого человека арестовать, какого не трогать, а лишь достигали контрольной цифры. Заполнение цифры могло быть закономерно, могло же носить и совершенно случайный характер. В 1937 году в приёмную новочеркасского НКВД пришла женщина спросить: как быть с некормленным сосунком-ребёнком её арестованной соседки. «Посидите, — сказали ей, — выясним». Она посидела часа два — её

взяли из приёмной и отвели в камеру: надо было спешно заполнить число, и не хватало сотрудников рассылать по городу, а эта уже была здесь! Наоборот, к латышу Андрею Павлу под Оршей пришло НКВД его арестовать; он же, не открывая двери, выскочил в окно, успел убежать и напрямик уехать в Сибирь. И хотя жил он там под своей же фамилией, и ясно было по документам, что он — из Орши, он НИКОГДА не был посажен, ни вызван в Органы, ни подвергнут какому-либо подозрению. Ведь существует три вида розыска: всесоюзный, республиканский и областной, и почти по половине арестованных в те эпидемии не стали бы объявлять розыска выше областного. Намеченный к аресту по случайным обстоятельствам, вроде доноса соседа, человек легко заменялся другим соседом. Подобно А. Павлу и люди, случайно попавшие под облаву или на квартиру с засадой и имевшие смелость в те же часы бежать, еще до первого допроса — никогда не ловились и не привлекались; а те, кто оставался дожидаться справедливости — получал срок. И почти все, подавляюще, держались именно так: малодушно, беспомощно, обреченно.

Правда и то, что НКВД при отсутствии нужного ему лица, брало подписку о невыезде с родственников и ничего, конечно, не составляло о ф о р м и т ь оставшихся вместо бежавшего.

Всеобщая невинность порождает и всеобщее бездействие. Может, тебя еще и не возьмут? Может, обойдётся? А. И. Ладыженский был ведущим преподавателем в школе захолустного Кологрива. В 37-м году на базаре к нему подошел мужик и от кого-то передал: «Александр Иванович, уезжай, ты в с п и с к а х!» Но он остался: ведь на мне же вся школа держится, и их собственные дети у меня учатся — как же они могут меня взять?.. (Через несколько дней арестован.) Не каждому дано, как Ване Левитскому, уже в 14 лет понимать: «Каждый честный человек должен попасть в тюрьму. Сейчас сидит папа, а вырасту я — и меня посадят» (Его посадили двадцати трёх лет.) Большинство коснеет в мерцающей надежде. Раз ты невинно — то за что же могут тебя брать? ЭТО ОШИБКА! Тебя уже волокут за шиворот, а ты всё заклинаешь про себя: «Это ошибка! Р а з б е р у т с я — в ы п у с т я т!» Других сажали повально, это тоже нелепо, но там еще в каждом случае остаются потёмки: «а может быть этот как раз...?» А уж ты! — ты-то наверняка невинно! Ты еще рассматриваешь О р г а н ы как учреждение человечески-логичное: разберутся-выпустят.

И зачем тебе тогда бежать?.. И как же можно тебе тогда сопротивляться?.. Ведь ты только ухудшишь своё положение, ты помешаешь разобраться в

ошибке. Не то, что сопротивляться — ты и по лестнице спускаешься на цыпочках, как велено, чтоб соседи не слышали.⁴⁾

И потом — чему именно сопротивляться? Отобранию ли у тебя ремня? Или приказанию отойти в угол? Или переступить через порожек дома? Арест состоит из мелких околичностей, многочисленных пустяков — и ни из-за какого в отдельности, как будто нет смысла спорить (когда мысли арестованного вьются вокруг великого вопроса: «за что?!») — а все-то вместе эти околичности неминуемо и складываются в арест.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

Продолжение следует)

4) Как потом в лагерях жгло: а что, если бы каждый оперативник, идя ночью арестовывать, не был бы уверен, вернётся ли он живым, и прощались бы со своей семьёй? Если бы во времена массовых п о с а д о к, например в Ленинграде, когда сажали четверть города, люди бы не сидели по своим поркам, млея от ужаса при каждом хлопке парадной двери и шагах на лестнице, — а поняли бы, что терять им уже дальше нечего, и в своих передних бодро бы делали засады по несколько человек с топорами, молотками, кочергами, с чем придётся? Ведь заранее известно, что эти ночные картузы не с добрыми намерениями идут — так не ошибёшься, хряснув по душегубцу. Или тот ворожок с одиноким шофёром, оставшийся на улице — угнать его либо скаты проколоть. Органы быстро бы не досчитались сотрудников и подвижного состава, и несмотря на всю жажду Сталина — остановилась бы проклятая машина!

Если бы... если бы... Не хватало нам свободолюбия. А еще прежде того — осознания истинного положения. Мы истратились в одной безудержной вспышке семнадцатого года, а потом СПЕШИЛИ покориться. С УДОВОЛЬСТВИЕМ покорялись. (Артур Рэнсом описывает один рабочий митинг в Ярославле в 1921 г. Из Москвы от ЦК к рабочим приехали советовать по существу спора о профсоюзах. Представитель оппозиции Ю. Ларин разъяснял рабочим, что их профсоюз должен быть защитой от администрации, что у них есть завоеванные права, на которые никто не имеет права посягнуть. Рабочие отнеслись совершенно равнодушно, просто НЕ ПОНИМАЯ, от кого еще нужна им защита и зачем еще нужны им права. Когда же выступил представитель генеральной линии и клял рабочих за их разболтанность и лень, и требовал жертв, сверхурочной бесплатной работы, ограничений в пище, армейского подчинения заводской администрации — это вызвало восторг митинга и аплодисменты). Мы просто ЗАСЛУЖИЛИ всё дальнейшее.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель-Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Со-Редактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

З У Б Н О Й В Р А Ч
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasónico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605

Д о к т о р
ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ
ПО ВНУТРЕННИМ БОЛЕЗНЯМ
принимает: вторник и четверг
от 15 до 19 час.
остальные дни: заказывать часы.
Pueyrredón 443, Villa Ballester
четыре квартала от станции.
T. E. 768 - 5113

О Т Д Ы Х
На берегу океана (Mar de Ajó, La Lucila) сдаются комнаты с правом пользования газовой кухней, по желанию — со столом. Цены доступные.
Звонить в рабочие дни от 9 до 20 часов по тел. 42-5573.

В. Трофимов

З У Б Н О Й В Р А Ч
Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ
Endodoncia — лечение корней зубов,
технические работы, рентгеновские
снимки, бор-машина ultra-sonico.
Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Angel Gallardo по улице Corrientes.

Розыски

Разыскиваю Аду Павловну Львову, уроженную Аксакову.

Лиц, знающих что-либо о ней, просят сообщить по адресу:

Señora María Papkova Falucho 760/2141, Villa Ballester, Prov. Bs. As. Argentina.

РУССКИЕ ДОМАШНИЕ ОБЕДЫ

по субботам и воскресеньям

НА МАСЛЕННОЙ НЕДЕЛЕ БЛИНЫ

16-го, 17-го, 23-го, 24-го, 25-го, и 26-го февраля

Тел. 797-1250

O'HIGGINS 1368, FLORIDA